

кона» около ста статей, «Справочный словарь» помещает маловажные: *Вестерес* (шведский город), *Вика* (кормовая трава), *Вилла-Адриана*, *Вильгельмге* (увеселительный замок в Гессене), *Вильямс* (английская писательница, «издавшая на английском языке книжку стихотворений») и т. д. и не почитает достойными помещения следующие статьи: *Вестерботния*, *Вестрис*, *Ветурия* (мать Кориолана), *Вефиль*, *Визирь* (!), *Викрамидития*, *Вильгардуэн*, *Виллар*, *Вильнев* (французский адмирал, начальствовавший флотом при Трафальгаре!), *Винцентий или Венсен де Поль* (!), *Виргиния* (! римлянка), *Виргиния* (! штат Северной Америки), *Вирсавия* (жена Урии), *Вителлий* (!), *Витербо*, *Витигес*, *Виттория* (! битва при Виттории), *Виченца*, *Вифезда* (!), *Вифсаида*, *Виаса* (автор Магабхараты) и множество других не менее важных... Нельзя не сказать, что половина заимствованных статей маловажна, а половина важнейших оставлена без внимания.

В заключение можем только повторить, что III том «Справочного словаря», перепечатавший девятнадцать двадцатых частей своего текста из одного издания, столь общеизвестного, как «Энциклопедический лексикон», явление очень странное...

«ИЗ № 12 „ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК“»

Песни разных народов. Перевод Н. Берга. Москва 1854.
В 8-ю д. л. XXXII и 556 стр.¹

На первый взгляд книга г. Берга поражает своею огромностью: формат ее более формата «Отечественных Записок», толщина равняется двум книжкам толстого журнала, соединенным вместе; но едва развернете «Песни разных народов», как увидите, что массивность издания—чисто внешняя, кажущаяся—заметьте, что, при меньшей щедрости на белую бумагу, все песни, переведенные г. Бергом, удобно могли бы поместиться в очень небольшом томике. Огромность придается изданию отчасти широтою полей вокруг маленькой страницы текста, отчасти тем, что каждое отделение книги (а их в книге двадцать пять) отделяется от предыдущего и следующего несколькими листами заглавий, примечаний (ограничивающихся двумя-тремя строками и, однакож, занимающих особенный лист), ссылок и указаний (такого же объема), отчасти, наконец, тем, что г. Берг вместе с своими переводами напечатал и текст переведенных им песен.

Мы говорим прежде всего о наружном виде книги г. Берга потому, что в предприятиях подобного рода величина заслуги тесно связана не только с удачным исполнением, но и с обширностью труда. Перевесть сотни народных песен, выбрав из поэзии каждого народа столько и таких характеристичных песен,

чтоб читатель ознакомился посредством их с духом народной поэзии того или другого племени, — был бы труд в высшей степени замечательный и полезный. Набрать наудачу по нескольку песен малорусских, французских, сербских и т. д., и набрать так, чтоб эта коллекция нисколько не характеризовала поэзии народа, у которого взяты песни, — дело также не дурное, но едва ли заслуживающее название труда особенно важного и полезного. Предупредив читателей, что, повидимому, огромная книга г. Берга — в сущности незначительная книжка, составленная наудачу, можем свободнее высказать свое мнение о достоинствах ее.

Г. Берг, очевидно, любит народные песни — это прекрасно; он перевел их с любовью — это превосходно. Итак, полная признательность ему за чувства, которыми он был одушевлен в своем труде. Но, кроме любви к делу, нужно еще иметь правильные понятия о том, что делать, и умение исполнить задуманное — качества, решительно необходимые для того, чтоб дело вышло хорошо.

Г. Берг думал, что ему надобно трудиться над отысканием песен, собирать никому неизвестное, неведомое в ученном мире, заботиться о новом, редком, неслыханном. «Вот уж пятьдесят лет, как мы записываем и издаем песни (говорит он). Но все еще нов и незнаком для нас этот мир; все еще робко и неохотно приближаемся мы к песне, как будто чего-то боимся и подозреваем обман и наваждение (мимоходом заметим, что это совершенно несправедливо: в хороших сборниках народных песен никто не подозревает подделки или «обмана и наваждения»; поэтому никто и не «боится» ими пользоваться). Мы записали то, что было сподручно, что относилось к народам, которые к нам поближе и пользуются нашим сочувствием (заметим, что записывать африканские и американские песни — не наше дело; довольно, если каждый народ будет заботиться о том, что ближе к нему; так делают русские, и благоразумно делают; чуждое нам — чужое, а не наше дело); но что там (курсив в подлиннике) в отдаленных или не так известных уголках Европы — о других частях света и не говорю — это неизвестно никому (неужели же русские собиратели обязаны записывать исландские или португальские песни? да — по мнению г. Берга); спросите, знает ли кто, какая песня сложилась на далеком, таинственном острове Исландии? (как не знать? всякий знает, кто интересуется Исландиею или хоть читал *Мармье*). Меня всегда интересовали эти забытые, отдаленные уголки. Как иной ботаник за редким растением, хотел я проникнуть в эти тундры за редкою песней».

Итак, г. Берг старался собирать редкие песни. Зачем же это было нужно? И то ли было нужно? Дело надобно было понять гораздо проще. Русская публика охотно познакомилась бы с песнями племен, замечательных богатством своей народной

поэзии; русскому читателю было бы очень приятно прочитать перевод лучших сербских, греческих, испанских и т. д. народных песен; у всех этих народов есть хорошие сборники; поэту, который захотел бы удовлетворить потребности русской публики пополнить пробел в русской литературе, не нужно было производить никаких поисков, не было никакой надобности тратить время и изнушать силы, стараясь «проникнуть в тундры»: ему предстояло только пользоваться богатою жатвою (продолжая аллегорию г. Берга), уж собранною в очень доступные, прекрасно устроенные житницы. Надобно было взять лучшие сборники и выбирать из них лучшее, важнейшее, замечательнейшее, но не по редкости, а по внутреннему достоинству, по характеристичности и эстетической красоте. Излишне объяснять, что у народов, которых поэзия заслуживает особенного внимания, есть хорошие сборники песен, и что человеку, живущему не только в Москве или Петербурге, но даже в Киеве, Казани, Харькове, очень легко иметь в руках все эти сборники. Тому, кто хотел бы познакомить русскую публику с «песнями разных народов», замечательных своими песнями, надобно только выбирать, а не собирать, переводить, а не записывать. Нам нужно собрание песен, а не коллекция редкостей. Г. Берг поступил иначе: он искал диковинок, а не достопримечательностей. Что легко достается, то не имеет для него особенной цены. Оттого ему не нужны песни итальянские, шотландские, ирландские, немецкие — что в них диковинного? за ними не нужно «проникать в тундры»; следственно, в его сборнике нет для них места. Этого мало. От желания искать редкое, г. Берг редко пользуется хорошими сборниками песен даже тех народов, которые обратили на себя его внимание. Он преимущественно обращается к своим знакомым, вероятно, в надежде найти у них что-нибудь неизданное, неизвестное. Так, санскритский гимн «сообщен ему г. Коссовичем», хотя беспокоить кого-нибудь в этом случае не было никакой необходимости: десятки и сотни санскритских гимнов можно было найти в общеизвестных изданиях, и тогда легко было бы не ограничиваться одним гимном, ничего не характеризующим, а представить несколько гимнов, которые давали бы понятие о санскритской поэзии; малороссийские песни также «сообщены г. Бергу лично г. Максимовичем»; мадьярские «получены им от г. Шгура», финские «сообщены Я. К. Гротом» и т. д., как будто нет хороших сборников всех этих песен.

В заключение г. Берг просит всех, у кого только есть редкие песни, присылать их ему — азиатские с подстрочным переводом, европейские, пожалуй, и без перевода. Желание не только бесполезное, но прямо вредное для составителя сборника замечательных песен, а не песен никому неизвестных. Г. Берг сравнивает себя с ботаником, проникающим в тундры. Если б Линней только странствовал по тундрам, ему были бы неизвестны липы

и дуб; он не имел бы понятия о пшенице и горохе, которые можно найти только в местах общеизвестных и общедоступных; гербарий г. Берга ограничивается мхами...

Любовь к редкостям заставила г. Берга вместе с переводами печатать и оригинальный текст. В самом деле, как же не курьезно прочитав на одной странице:

«В темнице пажик молодой
Сидит, за свой удар лихой (бретонск.)».

а на другой en regard:

«Floc'hig ar roue zo bac'het
Abalamour d'eunn tol neuz gret».

Или на одной странице:

«Xantorriak berririk
Alegrentcias émanik» и т. д.,

а на другой:

«За песни я снова
и песня готова», и т. д. (баскск.)

Еще курьезнее покажутся читателям, не видавшим восточных шрифтов, арабские фигурки; еще курьезнее калмыцкие крючечки, строки которых идут не как у нас, поперек страницы, а сверху вниз — любопытное зрелище! Но, говоря серьезно, кому нужны эти тексты? Неужели мы будем учиться по книге г. Берга бретонскому или татарскому языку? А люди, знакомые с этими языками, конечно, не нуждаются в нескольких строках, напечатанных г. Бергом: для знающего они неинтересны, потому что неважны. А каких трудов стоило, вероятно, г. Бергу достать и напечатать эти тексты! Сколько времени потрачено на поправку корректуры или на приискивание знающих корректоров! Еще бесполезнее было обременять книгу сербскими, малорусскими, лужицкими и т. д. текстами: они в руках у всех, сколько-нибудь интересующихся народною поэзиею вообще. Но, быть может, тексты напечатаны для того, чтоб читатель, знающий тот или другой язык, мог удобнее сличить перевод с оригиналом и удостовериться в точности перевода? Ниже мы увидим, что г. Берг мало заботился о точности перевода; кроме того, за верность многих переводов он не может ручаться, потому что они сделаны не прямо с подлинника: даже Меццофанти не мог знать всех языков, встречаемых нами в сборнике г. Берга, и издатель сам объясняет, что восточные песни должны быть доставляемы ему «с подстрочным переводом». Нет, приложение текстов просто следствие того, что г. Берг дорожит всем диковинным. Все подробности его сборника исполнены этого пристрастия, о котором мы, конечно, и не говорили бы, если б оно, отвратив внимание г. Берга от существенной цели предпринятого им издания, не повредило достоинству и полезности труда.

Существенное достоинство соорника зависело от внимательного выбора лучших, замечательнейших песен каждого народа и от возможно верного перевода. С этих сторон труд г. Берга решительно неудовлетворителен. Вот образцы перевода. Избираем языки, наиболее известные:

«Ой, погнав в Московщину
Козак молоденький,
Орихове сиделечко
И кинь (конь) вороненький.
(Малорусск. стр. 20—21.)

Ой, коню мій вороненький,
А де твій пан молоденький?
Чи ты ёго в вийську загубив,
Чи ты ёго пид себе збив?
(Малорусск. 26—27.)

Choć by was tu było, jak na morzu
pianu,
Nie było, nie będzie jak moją
kochany
(Польск. 134—135.)

Cadet Roussele ne mourras pas
Car avant de sauter le pas,
On dit, qu'il apprend l'orthographe,
Pour fair'lui mêm'son épitaphe.
(Франц. 540—541.)

«Он в Московщину поехал,
Задремал подковой;
Ворон конь, арчак дубовый
Поводок шелковый.

Где же, конь лихой,
Господин-ат твой?
Аль в бою сложил
Буйцу голову,
Али в поле ты
Обронил его?

Выбрать мне не долго из полку
любого,
Да не будет Вани у меня другого!

Ах, умирать теперь он хочет,
Об эпитафии хлопочет,
Да ни окончил и досель,
Знать не умрет Каде-Руссель!

Читатели видят, что г. Берг не переводит, а переделывает; нельзя сказать, чтоб его переделки, часто очень неудачные, не бывали иногда и удачны; г. Берг, когда захочет, может владеть стихом. Но вообще народных песен нельзя переделывать. Об этом напрасно и рассуждать в наше время.

«Что касается моих переводов вообще (говорит г. Берг), разумеется, я старался сделать их как можно ближе к подлинникам, но держался правил, которые указал мне опыт. Не важен стих, а важен дух, важен результат впечатления. Кому нужно следить за кистью портретиста и поверять, тут ли она положила красную краску, тут ли белую? Нужно, чтобы сказали, когда портрет кончен: это он! В народном языке всего нужнее свобода слова; нужно, чтобы все было народно, чтоб ничто чужое не останавливало, не щепляло. Лучше пропустите слова, стих, целую строфу, чем выражать их в чуждом образе».

Одним словом, г. Берг хочет, чтоб песни всех народов в переводе становились русскими песнями; чтоб в них не оставалось ничего чуждого. Так переводил Дюсис Шекспира, Попе — Гомера, ломая, выпуская, вставляя, чтоб приноровить к своему вкусу... если не ошибаемся, никто не хвалит их за это. И напрасно г. Берг вдался в переделывание песен: владея гибким стихом, он мог бы передать песни очень верно. Теперь он сделал из своих переводов нечто непохожее ни на русские песни, ни на оригиналы.

нальные того или другого народа. «Кому нужно следить за кистью портретиста и поверять, тут ли она положила красную краску, тут ли белую? Нужно, чтоб сказали, когда портрет кончен: это он!» Но как же скажут: это он, если «кисть портретиста положит» на губах белую краску, а на белках глаз красную? Что за перевод, если пропущены стихи и целые строфы? ..

Теперь должно сказать несколько слов о выборе или, как говорится, «подборе» песен. В санскритском, баскском, армянском, калмыцком отделах помещено по одной песне, в моравском, албанском, арабском—по две, в персидском — три двустихия; что они характеризуют? Можно ли по этим тощим представителям сколько-нибудь познакомиться с духом санскритской и т. д. народной поэзии? Г. Берг поместил их в качестве редкостей, отыскивание которых не оставило ему времени позаботиться о лучшем подборе песен в других отделах. Все песни, повторяем, взяты наудачу, какие попадались; замечательного, обрисовывающего характер поэзии у известного народа не ищите ни в одном отделе; напротив, именно лучшие и самые характеристичные песни пропущены, как недостойные внимания. Так, в малорусском отделе не переведено ни одной из знаменитых «дум», вообще не переведено ни одной песни из числа известных по художественности. В чешском отделе нет ни «Любушина суда», ни песен крадлвдорской рукописи; в сербском из эпических песен выбрана самая ничтожная, бесцветная, хотя самая растянутая, занимающая около пятидесяти бледных и утомительных страниц; из испанских романсов о Сиде выбран только один, и то самый незамечательный; впрочем, и всего испанских песен помещено только три. В самых обильных отделах число их доходит до тринадцати, одиннадцати, десяти, большею частью маленьких — говорим это, чтоб напомнить незначительность труда — и не важных ни в каком отношении. Вообще ни один отдел не дает нам понятия о поэзии народа, которому принадлежат песни, в нем помещенные.

Мы находим, что труд г. Берга задуман под влиянием превратных понятий о его цели и существенных достоинствах; что при исполнении г. Берг, с одной стороны, странными понятиями о том, как должно переводить народные песни, с другой, небрежностью и неудачностью выбора сделал все, что было в его силах, чтоб отнять всякое достоинство у своего сборника. Но не все было можно испортить. Он хорошо владеет стихом и потому не мог не перевести некоторых песен удачно. Реже случалось, что ему попадались, в числе неинтересных, действительно прекрасные песни, но и это случалось... чего не бывает на свете и в книгах! Таким образом, из 556 страниц его книги можно отыскать двадцать или тридцать прекрасных, еще двадцать или тридцать интересных. Совершенный недостаток в русской литературе сборников, подобных «Песням разных народов», придает изданию

г. Берга даже некоторую важность; наконец, любовь к своему делу, с чрезвычайным жаром высказывающаяся в длинном предисловии, заставляет нас кончить желанием, чтоб г. Берг в дальнейших переводах своих, внимательнее познакомившись с характером лучших подобных сборников в разных литературах и усвоив себе правила, которыми руководствовались их составители, дал русской литературе книгу, достойную похвалы не только по любви автора к своему делу, но и по прекрасному исполнению дела.

1854 г.

⟨ИЗ № 1 „СОВРЕМЕННОКА“⟩

Габриэль. Комедия в пяти действиях, в стихах.
Сочинение Эмиля Ожье. Перевод И. Крешева. Спб. 1853.¹

Благодаря прекрасной игре г-ж Вольнис и Плесси, пьеса эта имела продолжительный успех на Михайловском театре; но сама по себе она произведение очень посредственного достоинства. Тема ее довольно избитая: оставляя жену скучать, муж рискует очень многим, и если не хочет потерять ее любви, должен заниматься не одними своими делами, а уделять и для жены несколько свободных минут. Развязка (за которую Ожье получил Монтионовскую премию, будто бы за какой-нибудь похвальной поступок) во всегдашнем вкусе и комедий и водевилей: возвращение заблуждавшихся на прямой путь и торжество всего хорошего. Ни драматического развития, ни удачно очерченных лиц мы не могли найти в «Габриэли», которую играли и, может быть, играют единственно за недостатком лучшего: среди несносно дурного сносное кажется хорошим, превосходным, и «Габриэль» много выигрывает, будучи сопровождаема жалкими водевилями. Скучно было бы подробно разбирать эту пьесу, которой содержание мы предполагаем более или менее известным, и потому ограничимся несколькими словами о том, каково изображен характер главного лица — самой Габриэли; по Габриэли можно судить и о других лицах комедии.

Ясно, что Ожье хотел представить Габриэль женщиною, достойною любви такого превосходного человека, как Жюльен, муж ее; ясно, что он хотел представить ее заслуживающею нашего уважения, нашей симпатии. Такою и является она в патетических сценах, которыми заключается пьеса. Но посмотрите, как ничтожна, как пуста является она в начале пьесы:

Жюльен занят своими тяжёбными делами (он адвокат) и устройством будущности своей милой жены, своей милой дочери; он говорит об этом с Габриэлью. Габриэль и не слушает его: она мечтает о любви, она тоскует о том, что муж из-за дел забывает о ней. Прекрасно; но заботится ли она сама о муже, думает ли